

АЛЕКСАНДР ЦИПКО

РУССКАЯ АПАТИЯ

ИМЕЕТ ЛИ РОССИЯ БУДУЩЕЕ

Александр Сергеевич Ципко Русская апатия. Имеет ли Россия будущее

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=22448638

*Ципко А.С. Русская апатия. Имеет ли Россия будущее: ООО «ТД
Алгоритм»; Москва; 2017
ISBN 978-5-906880-77-2*

Аннотация

В своих последних статьях, собранных в этой книге, автор пытается понять, почему посткрымская Россия не хочет знать главную правду о большевизме, правду о том, что «возникновение на Западе фашизма стало возможно только благодаря русскому коммунизму, которого не было бы без Ленина» (Николай Бердяев). С точки зрения автора, главной причиной нашего русского нежелания расстаться с соблазнами и иллюзиями коммунизма, нежелания «жить не по лжи» (Александр Солженицын) является апатия души и мысли, рожденная испытаниями страшного русского XX века, жизнью на вечном надрыве, «затянув пояса», жизни, требующей бесконечных, часто бессмысленных жертв.

Содержание

Вместо введения	5
Книга I	49
Сталин, голодомор и дружба народов	49
Особенности украинской национальной идентификации и их влияние на внешнюю политику независимой Украины	60
Миф о «разделенном народе»	60
Исторические факты	68
Конец ознакомительного фрагмента.	71

А.С. Ципко

**Русская апатия. Имеет
ли Россия будущее**

© Ципко А. С., 2017

© ООО «ТД Алгоритм», 2017

Вместо введения

Исповедь пессимиста

Название этой книги родилось у меня только после того, как я заставил себя заново прочитать свои последние статьи, которые я решил собрать вместе в виде сборника. Я-то хотел прежде всего обратить внимание читателя на факты из нашей советской истории, которых упорно, на протяжении десятилетий сторонятся россияне. Сначала я хотел во главу книги поставить статьи, посвященные рассказу о родстве национал-социализма с большевизмом, о родстве Гитлера со Сталиным. Но если суммировать все то, с чем я как публицист борюсь в последнее время то получается, что, на мой взгляд, главная наша беда не в дефиците правды о большевизме, об его антинациональной, античеловеческой сущности, а в отсутствии запроса на нее, на правду о громадной человеческой цене, заплаченной народами России за достижения советской истории. Как сегодня становится ясно, сама по себе правда мертва, если не существует в ней потребность. У русского человека хватило духа самому расстаться с советской политической системой, но в условиях апатии и растерянности, рожденными «лихими девяностыми», у него уже просто нет сил освободить свою душу от советских «пустых идеалов». Сама по себе истина и правда, как становит-

ся ясно, не обладает ценностью для уставшего душой народа. Мечта русских философов в изгнании о нравственном перерождении русского человека, об очищении его души от скверны коммунистических соблазнов так и остается мечтой. Пока что, в силу нынешней духовной апатии, мы не в состоянии «жить не по лжи», к чему нас призывал еще в 70-х прошлого века Александр Солженицын. Как выясняется, настроения осажденной крепости, рожденной «русской весной» 2014 года только ослабляют и без того скукоженный запрос на правду. Но в то же время эти милитаристские настроения создают благодатную почву для замораживания и мысли, и совести. Драматизм нынешней ситуации состоит в том, что тем россиянам, которым все-таки нужна правда о своей истории, которые сохраняют способность видеть и мыслить, все меньше и меньше нужна сама Россия. Так называемый «креативный класс» после побед «бывших шахтеров и трактористов Донбасса», стал всерьез бояться опоздать на последний поезд, уходящий из «державной России» на «либеральный Запад». Тем более, что многие посткрымские патриоты, к примеру, Никита Михалков в своем «Бесогоне», открыто призывают Путина возродить советский железный занавес, без которого, с их точки зрения, невозможно спасти современную Россию.

Наша нынешняя власть не учитывает, что в России уже добрых двести лет образованные, творческие, способные люди всегда были западниками. Западниками на самом де-

ле были и ранние, настоящие славянофилы. А потому нынешняя антизападная Россия, отрицающая ценность свободы и человеческой жизни, для них, думающих молодых людей, становится чужой страной. Россия, превратившая изоляцию от лидеров современной человеческой цивилизации в свою государственную политику, становится для них, талантливых и одаренных, чужой страной. Конечно, слава богу, не для всех, но для многих точно. Россия, которая не в состоянии защитить свое достоинство кроме как восстановлением своих баз на Кубе или во Вьетнаме, начинает пугать не только прозападную интеллигенцию, что естественно, но и даже наше уходящее поколение, которое помнит о Карибском кризисе 1961 года, об афганской авантюре, погубившей СССР.

Конечно, далеко не все, живущие «чемоданными настроениями», покинут Россию, тем более навсегда. Но сами эти настроения усиливают апатию и равнодушие у тех, кто не хочет и не имеет сил куда-то эмигрировать, что-то менять в своей судьбе. И очень часто осознание своего бессилия и беспомощности, вместе с ростом традиционных русских настроений жертвы, ведет к агрессии, к нетерпимости, к поиску врагов.

Парадокс состоит в том, что взрыв патриотических чувств, вызванный у подавляющей части населения присоединением Крыма к России, не привел не только к росту гражданской активности, энергии созидания, но и не укрепил

пил у русских веру в будущее своей страны. И получается, что апатия, «безумное русское молчание», которое пугало книжников начала XVII века, времен смуты, может быть реакцией не только на хаос, разорение всего и вся, жестокость власти, но и реакцией на победы своей страны. Все это свидетельствует о поразительной усталости русской нации в целом. «Пофигизмом», на который обращает внимание в своих статьях социолог Леонтий Бызов, на мой взгляд, один из самых честных социологов постсоветской России, растет из дня в день. Эта усталость проявляется в тотальной апатии, в понижении психической активности, в лени не только души, но и ума, в нежелании соединить в сознании тяготы и неудобства нового русского кризиса с «победами бывших шахтеров и трактористов Донбасса», в стремлении отгородиться от всего, что выходит за границы забот сегодняшнего дня, забот семьи. Но если мало кого сейчас в России интересует и малая и большая политика, то еще меньше простого человека, погрузившегося всем своим умом в заботы о выживании, интересует правда о Сталине, о русской катастрофе 1917 года. В этих условиях, когда душа у многих скукожена, невозможна какая-либо моральная реакция на преступления большевиков, Сталина. На самом деле от традиционной русскости, описанной и русскими писателями, и русскими философами, осталось только то, что было порождено «наследством Чингисхана», порождено традиционным деспотизмом и всевластиями наших царей, Генеральных царей.

Речь идет о покорности, долготерпении, патернализме, отчуждении умом и сердцем от власти вообще. Нет на самом деле уже желания что-то изменить в своей судьбе. Есть желание только сохранить то, что есть, сохранить как можно дольше. Отсюда и феноменальный политический успех Владимира Путина. И чем выше популярность Путина с его нынешним, уже абсолютным всевластием, тем возможность создать гражданское общество, возродить все-таки существовавшую в начале девяностых гражданскую активность внизу, в провинции.

Но одновременно исчезает на глазах традиционный русский мессианизм, желание прыгнуть в другой мир, заглянуть в будущее, который так умело эксплуатировали большевики. И это очень хорошо чувствуют те представители нашей интеллигенции, которые напрямую соприкасаются с теми, кто потерял надежду на лучшую жизнь, что-то изменил в своей судьбе, занимается благотворительностью. В июле этого года в Саух, в Швейцарии, на конференции, посвященной диалогу России и Запада, руководитель благотворительного фонда «Предание», сотрудничающего с РПЦ, Владимир Берхин открывал собравшимся в том числе и мне, подлинную правду о современной массовой, типичной русскости. Оказывается, люди, с которыми он общается, кому помогает вместе с РПЦ их фонд, не просто живут только сегодняшним днем, отгородились от будущего, но вообще утратили способность описывать мир в каких-либо абстрактных поня-

тиях. «Мы должны учитывать, обратился к своим коллегам, руководителям благотворительных организаций Запада Владимир Берхин, что русская нация в последние 100 лет живет в состоянии непрекращающегося стресса: мировые войны, революции, репрессии, жестокий бедный недружелюбный советский мир, его болезненное крушение, и снова войны, и снова потери и снова страх. И все это отнюдь не способствует доверию русского человека к абстрактным понятиям». К тому же, продолжал Берхин, «каждая новая беда в России происходит под новые красивые слова и абстрактную концепцию, как в кино: красные приходят – бьют, белые придут – бьют, рыночники пришли – били, а теперь патриоты пришли – тоже бьют, и так далее». Я так обстоятельно процитировал размышления Берхина, ибо они подтверждают мои предположения о причинах русских неудач в строительстве демократического, нетоталитарного общества. Не может нация, большинство которой всегда, не только за последние 100 лет, составляют бедные, нуждающиеся люди, не только создать Магдебургское право, но и жить в соответствии с ним, с законами нормального гражданского общества. Рожденная бедностью зависть, злоба, отчаяние, агрессия, нетерпение могут породить только бунт. А в перерыве между бунтами, как у нас было, бедности сопутствует покорность, апатия, вера в чудо, надежда на случай, халяву, и всевластие руководителей нашей страны. Мы до сих пор не можем понять, что в результате так и не преодоленной бед-

ности не может зародиться сознание ценности человеческой жизни. Бедный не ценит не только чужую, но и свою жизнь. Рационализм, реализм, чувство меры, способность слушать другого человека, считаться с его мнением – эти качества, на которых держится демократия, как полноценная жизнь не совместима с психологией русского человека, который веками мучается неустроенностью быта.

Так что было бы несправедливо утверждать, что неуверенность в будущем, которая выталкивает сегодня молодежь из России, появилась только после «крымской весны». Длинных русских денег, то есть русских инвестиций на 10–20 лет не было и в благополучные нулевые. Понятно, и это было предсказуемо, что после того, как мы начали исправлять «исторические ошибки Хрущева», никто вкладывать деньги в Россию не будет. А, может быть, завтра Путин захочет присоединить к России часть русской Сибирь вместе с Карагандой, которую тот же Хрущев отдал Казахстану в те же годы, в середине 1950-х. Не забывайте, русская Нарва, в которой до сих пор проживает 90 %, как теперь принято говорить, наших соотечественников и которая после революции 1991 года стала частью независимой Эстонии, куда глубже погружена в русскую историю, чем на самом деле татарский еще с середины XIII века Крым. И слава богу, что русские Нарвы не хотят вернуться в Россию, ибо там пенсии не были такими тощими, как в украинском Крыме. Но на самом деле и не исправленных ошибок Хрущева осталось много и сакральных

для русского человека мест на постсоветском пространстве осталось много. Отсюда и страхи не только прибалтов, но и казахов, отсюда и болезненный страх Запада перед «непредсказуемым Путиным». Но понятно, что непредсказуемость внешней политики еще больше пугает потенциальных инвесторов. Тем более, когда судьбу страны определяет воля всего одного человека.

«Есть ли будущее у России? Почему вы считаете, что у России есть будущее?» – эти вопросы задавали мне довольно часто и во второй половине нулевых, когда я ездил по стране и читал лекции об истории русского патриотизма для идеологического актива «наших». А теперь мне из-за моей телевизионной популярности нет прохода даже на улице. С одной стороны, у людей радость в глазах, а, с другой стороны, растерянность и вечный вопрос: «Когда кончится кризис? Что будет с нами?»

«Не надо так эмоционально реагировать, расстраиваться по поводу нездоровых явлений в посткрымской России. Обуздайте несвойственный вам пессимизм», – советовал мне во время конференции в Саух настоятель одной из православных церквей в Италии, потомок первой «белой» эмиграции отец Владимир (Владимир Зелинский). Конечно, мое самолюбие грело, что, как выясняется, отец Владимир, как и многие священнослужители Зарубежной русской православной церкви, уже давно проявляют интерес к моей антикоммунистической публицистике. Уже в начале 1990-х, когда я

начал выезжать на Запад, эмигранты говорили мне, что я целюсь в коммунизм, в отличие от других «не для того, чтобы убить Россию». Правда, это были представители НТС, и прежде всего Владимир Поревский, который присутствовал на многих моих выступлениях в Италии, во Франции, в Германии. Но сейчас, учитывая, что Владимир Зелинский пытался противопоставить моему пессимизму свой оптимизм публично, я был вынужден серьезно поспорить с ним. Правда, уже не в зале заседаний, а за скромным протестантским вегетарианским ланчем, которым нас одарили хозяева Саух, 90-летние антифашисты, которые здесь же, в этом замке, в 1947 году помогали организовать примирение между де Голлем и Конрадом Аденауэром. Я обратил внимание отца Зелинского, что в его оптимизме, основанном, как он говорил, на том, что в России все равно все меняется, что на место самодержца и крепостника Николая I приходит освободитель Александр II, как раз и коренится мой пессимизм. В том-то и беда, что после перестройки, после демократических реформ начала 1990-х мы двинулись не вперед, к современному гражданскому обществу, без которого невозможно развиваться в условиях глобальной цивилизации, в условиях глобальной конкуренции, а назад, к традициям русского самодержавия. Конечно очень хорошо, что самодержец Путин, от воли которого зависит наша судьба, все-таки не Сталин, что бы там ни говорили, при Путине сохранились основные демократические завоевания последних 25-ти лет.

Конечно, возвращаясь к дореволюционному самодержавию, мы в каком-то смысле движемся вперед по сравнению с советской системой. Не забывайте, русское самодержавие накануне 1917 года было в десятки раз демократичнее, чем самодержавие большевиков, особенно самодержавие Сталина. Я объяснял отцу Владимиру, с нами за столом был и отец Дмитрий (Михаил Першин), один из руководителей миссионерского отдела Русской православной церкви, что пугает не столько само по себе самодержавие Путина, сколько то, что оно на самом деле было и является запросом снизу, запросом подавляющей части населения России. Для многих до сих пор настоящая власть – это самодержавная власть, когда решения принимает «хозяин» и только «хозяин». Меня пугает, объяснял я отцу Владимиру, что на самом деле в России как не было, так и нет предпосылки для создания гражданского общества, демократии. В России нет у людей желания брать ответственность за свою судьбу, желания думать, рисковать, искать какие-то свои новые решения. Демократия, свободные выборы и т. д. на самом деле подавляющему большинству людей не нужны. Как это ни странно, но многие не хотят в России, чтобы власть их о чем-то спрашивала. Так что даже если после Путина придет более вольнолюбивый самодержец, то ничего в нашей русской судьбе не изменится.

И здесь, общаясь со священнослужителями, которые обладают способностью придать любой нашей русской проблеме всечеловеческий характер, я неожиданно для себя осо-

знал и вселенский смысл нашего возродившегося самодержавия. Больно осознавать, что мы какие-то не такие. В отличие от бывших социалистических стран Восточной Европы мы так и не сумели освободиться от авторитарной власти, создать конституционную систему сдержек и противовесов нашим русским традициям самодержавия, хотя бы раз после гибели коммунизма провести подлинные, альтернативные выборы главы государства. Только мы и румыны шли к посткоммунистической конституции через кровь, расстрел парламента из танков. На самом деле наша демократическая революция 1991 года просто выродилась. Мы, русские, не можем даже то, что умеют многие народы Африки, создать Конституцию, которая предусматривает разделение властей, демократическую смену власти. Наше не выборное, а назначенное самодержавие сделало всех нас, многомиллионный российский народ, заложником состояния ума, души, а иногда просто настроений всего одного человека, а именно Владимира Путина. И нет сегодня политики политиков в России, ибо нет сегодня ни одного представителя власти, кто бы рискнул не то, что критиковать Путина, а просто с ним поспорить.

И, таким образом, на самом деле, что мучает меня сегодня. Гарантии сохранения России нет ни сверху, ни снизу. Может быть, о чем я не думал раньше, может быть потому и нет драйва внизу, что решение одного человека наверху может в одну секунду убить труд, старания миллионов людей

внизу. Но факт остается фактом. У нас нет серьезного массового желания людей лучше работать, совершенствовать себя, совершенствовать свою жизнь, делать более привлекательной для других нашу Россию. Мы так и не научились связывать свое национальное достоинство с нашими успехами, с благоустроенной жизнью, со счастьем как можно большего количества людей. И, к моей радости, отец Димитрий (он почти ровесник моего сына) поддержал мои страхи и опасения, связанные с состоянием духа современной России. Он даже в своем публичном выступлении обращал внимание, что современная Россия является «самой демократичной страной Европы» потому, что разрешает делать аборты, в отличие от стран Европы, на большом сроке беременности. Когда я слушал рассказ отца Димитрия о причинах нашего «чемпионства» в Европе по количеству абортов на 10 тысяч населения, то я осознал, что все это от нашей старой русской болезни, от нашего неумения или нежелания ценить человеческую жизнь. В конце концов, в католической Польше вообще запрещают аборты. Наши, особенно молодые, матери относятся к своему будущему ребенку точно так, как многие относятся к приплоду котят от своей кошки: приходится топить этих котят, если они никому не нужны.

Я не случайно обращаю внимание на свое запоздалое открытие, на мой взгляд, на уникальную личность – отца Димитрия, на его миссионерскую деятельность и мысли. Мне было, естественно, приятно слышать, что он, как и я, видит

нечто общее между равнодушным отношением матерей к своим детям, которых они убивают во время аборта, и нашим поразительным русским равнодушием к мукам и страданиям жертв сталинизма. Христианское человеколюбие, как показывает пример отца Димитрия, неизбежно должно вести и к отторжению от преступлений большевиков, Сталина. Как оказывается, что было для меня неожиданным, и публицистика отца Димитрия посвящена критике преступлений Сталина, его трагических для России ошибок накануне 1941 года. Патриотизм отца Димитрия отличается от патриотизма неосталинистов прежде всего своим почитанием человеческой жизни. И я думаю, что не случайно участник антифашистского движения в Норвегии, ветеран Саух Енс Веллингтон, пригласил сюда из России именно нас троих, непримиримых антисталинистов. Я забыл сказать, что отец Владимир является автором целого ряда статей, опубликованных в «Новой газете», в которых рассказывается о садистских наклонностях «отца народов», о том, как они проявлялись на его жизненном пути. Антифашизм и антибольшевизм, антисталинизм в христианском сознании Запада, кстати, в отличие от левого сознания Запада, тесно связаны. И это объясняется тем, что я пытаюсь показать в своих статьях о родстве большевизма и национал-социализма, представленных в этой книге, что и Ленин, и Сталин, и Гитлер были не просто атеисты, но враги христианской морали, заповеди Христа «Не убий». И совсем не случайно среди тех, кто сегодня за-

являет, что Россия не Запад, очень много апологетов «красного проекта», апологетов революционного насилия, большевистского человеконенавистничества.

Уже после наших бесед в Саух отец Димитрий прислал мне свои публикации, где он на основе мемуаров Ильи Старинова, командира наших диверсионных групп, работавших на оккупированных территориях во время войны 1941–1945 годов, показывает исходную порочность сталинской политики выжженной земли, которая не столько сдерживала продвижение немцев к Москве, сколько лишала крыши и хлеба тысячи и тысячи советских людей. Отец Димитрий напоминает о том, о чем писал Некрич в своей книге «22 июня 1941 года», которой мы, студенты философского факультета МГУ, зачитывались то ли в 1967, то ли в 1968 году, о том, что Сталин, уже когда началась война, в октябре 1941 – начале 1942 года, истреблял десятки офицеров высшего звена, уровня Рокоссовского. «Герои Советского Союза, прошедшие Испанию, – пишет отец Димитрий, – могли бы принести большую пользу стране и армии в эти драматические дни начала войны».

Зачем я вспомнил о своих беседах с отцом Владимиром и отцом Димитрием в Саух? Мне думается, что этот антисталинский патриотизм, основанный на христианской морали, который объединяет нас и который при всей нашей любви к России заставляет нас видеть ее пороки и слабости, коренным образом отличается от посткрымского патриотизма,

который заполонил сегодня наши средства массовой информации. И я не понимаю, почему наш патриотизм является менее русским, менее национальным, чем, к примеру, патриотизм Владимира Куликова, патриотизм с пеной на губах, который призывает нас вернуться к лагерной, военной, мобилизационной экономике времен Сталина. Ведь настоящий патриотизм, антибольшевистский патриотизм Петра Струве, Николая Бердяева, Ивана Ильина, патриотизм лучших сынов России сочетал в себе любовь к стране с непримиримым отношением к слабостям русской души, с умением извлекать уроки из нашей совсем непростой истории. И причина тому очень простая, потому что в основе антикоммунистического патриотизма основателей русской религиозной философии начала XX века, в основании патриотизма Ивана Ильина лежал выросший из христианства гуманизм, лежало человеколюбие, заставляющее осуждать все то, что мучило русского человека, оскорбляло его достоинство, лишало его права на нормальную человеческую жизнь. А наш нынешний, посткрымский патриотизм воспринимает любую критику очевидных ошибок и просчетов власти как предательство, ибо ему абсолютно, на самом деле, безразлична жизнь простых людей. Нынешним певцам «русской весны» нет никакого дела, чем обернется для нашего и без того тощего русского здравоохранения, деградирующего русского просвещения победа «бывших шахтеров и трактористов Донбасса». Этих патриотов абсолютно не волнует, что победы «русской вес-

ны» в конце концов оборачиваются снижением продолжительности и без того недолгой русской жизни.

И еще одна особенность этого посткрымского патриотизма, который меня не только настораживает, но и иногда больно задевает. Речь идет о том, чего никогда не было в России, речь идет об этнизации патриотических чувств. Если у тебя русская фамилия, оканчивающаяся на – ов или на – ин, то ты настоящий патриот, а если у тебя фамилия на – ко, да к тому же ты не идешь в ногу с «линией партии», то ты не можешь быть настоящим патриотом. Даже политкорректный Слава Никонов публично, на людях, особенно среди именитых гостей перед передачей Владимира Соловьева, чтобы дистанцироваться от Ципко как критика «русской весны», любит как-то невзначай сказать, дословно: «Что с тебя, Саша, взять. Ты же не русский, а поляк». Да, мать моей матери, как о ней вспоминал дед Ципко, «пани Домбровская», родилась и жила до брака на Польской улице в Одессе. Скорее всего ее брат или родственник, Анджей Домбровский, был руководителем польской общины, которого, как рассказывает в «Окаянных днях» Иван Бунин, расстреляли красные в 1918 году. Но какое отношение польскость моей бабушки имеет к моему мировоззрению, к моим чувствам? По логике Славы Никонова, из русской истории надо вычеркнуть и Антона Деникина, у которого не бабушка, а мать была полькой, и Колчака с его польской фамилией (что Колчак, что Собчак – одно и то же), и многих представителей

русской истории. Этнизация русскости – это полный бред!.. Но самое главное, отец моего отца, дедушка Леонид очень бы расстроился, если бы узнал, что его внука Александра обвиняют в недостаточной русскости. Сам он, несмотря на то, что был рожден от латыша-лютеранина Дзегузе, начальника почтово-телеграфной станции Лиды, очень гордился предками своей бабушки по материнской линии, которая была внучкой генерал-адъютанта Андриана Карповича Денисова, соратника побед Александра Суворова, и которая умерла у своего внука, моего дедушки Леонида, тогда работника ЧК, на квартире в Киеве в возрасте 104-х лет в 1924 году. Дед Леонид, у которого я обычно жил летом на Нежинской улице в Одессе, когда его вторая жена уезжала к родственникам, любил мне рассказывать, как Андриан Денисов, тогда еще молодой донской казак-сотник спас под Измаилом Суворова от турецкого плена. И при этом много раз демонстрировал шкатулку адъютанта Суворова из все еще красного дерева, где хранились гусиные перья. Конечно и дед Леонид Дзегузе не рассказывал всю правду о своих знаменитых предках, ведь фамилия его матери, как я узнал из его личного дела (под номером 521), с которым мне разрешил ознакомиться президент Кучма в 1997 году, была Цецура. Статский советник Виленской губернии Павел Цецура был его дедушкой. Мой сводный брат Игорь нашел в Опочке под Псковом остатки имения Цецур, и теперь я понял, почему тетка моего дедушки, девичья фамилия которой тоже Цецура, прежде чем

приезжать из Лондона в СССР к своему племяннику в Одессу, всегда навещала Опочку, где она, оказывается, вместе с моей прабабушкой провела все детство. И она мне рассказывала то, о чем мне не рассказывал дед, что он, дед Леонид, в конце концов стал революционером из-за того, что дед Павел Цецура лишил свою дочь, мать деда Леонида, дворянства из-за брака с лютеранином. Я очень благодарен сестре моей прабабушки Анне Малевич (в девичестве Цецуре), что, приезжая в 1956–1957 году в Одессу, в свои 85 лет она уделяла мне, мальчику, много времени и рассказывала об истории нашей семьи. Благодаря этим рассказам она меня погрузила еще тогда в русскую историю, и поэтому, честно говоря, когда я разговариваю с этими нынешними новыми патриотами, я всегда чувствую какое-то непонятное превосходство перед ними. Это, конечно, плохо, но я бы советовал всем разоблачителям антирусскости Ципко замолчать. В отличие от них моя русскость погружена в историю столетий. И вообще я думаю, что очень опасно в современной многонациональной России, чья элита всегда была многонациональной, сводить патриотизм к количеству русской крови. И мне думается, а это уже серьезно, что этнизация патриотизма, все эти разговоры о количестве русской крови тоже являются свидетельством духовного вырождения современной России. Я, честно говоря, тоже очень хотел, чтобы Россию в конце концов доверили коренным русским, чтобы они сами несли ответственность за судьбу страны и не искали виновных в наших

бедах среди «инородцев и масонов». Но мне думается, что при всем этом крайне опасно связывать патриотизм, любовь к России с качеством крови.

И уж совсем меня удивляет, когда у нас ретивые патриоты причисляют меня к «пятой колонне», называют «агентом ЦРУ». Кстати, как я знаю из личного опыта, американцы приглашает к сотрудничеству только русских с мозгами, наделенных аналитическими способностями. И искренне удивляется, что русские люди, умеющие думать, могут быть патриотами и отказываются от их соблазнительных предложений. Но при всем этом американцы, и это делает им честь, намного больше уважают русских, которые отказываются от их соблазнительных предложений, чем тех, о которых рассказывал Коржаков в своих воспоминаниях. Но видит бог, нынешние ура-патриоты с пеной на губах могут спать спокойно. Никто им никаких соблазнительных предложений делать не будет. Они могут с утра до вечера рассказывать с экранов телевидения о растущей любви народа к Путину. Осмелюсь сказать, что, наверное, главная наша беда состоит в том, что сейчас политическая и идеологическая инициатива в России перешла к людям, которые не блещут, прямо скажем, умом и способностями.

И самое главное, чего не понимают наши нынешние борцы с «пятой колонной». Сам тот факт, что публицист, эксперт чувствует приближающуюся для его страны беду, видит угрозы ее существованию, подводные камни, о которые она

может разбиться, совсем не значит, что он сам желает гибели своей стране. Я, как помнит старшее поколение, первым или одним из первых выступил в прессе против, как я тогда писал, «безумной идеи суверенитета РСФСР», которая неизбежно должна была привести к смерти русского мира, распаду славянского ядра СССР, к созданию нэзалежной Украины и превращения белорусов снова в «литвинов»¹. Но я одновременно страшно не хотел, чтобы моя родная Одесса перестала быть русским городом и отчаянно и на телевидении и на радио боролся с идеологами суверенизации РСФСР.

Кстати, уже с тех пор, с конца 1980-х – начала 1990-х пробуждающийся от долгого советского сна русский патриотизм был отмечен не только червоточиной опасного для России этнического похода, и садомазохистскими настроениями. Не забывают, идею суверенитета РСФСР выдвинули литераторы-почвенники Балашов и Костров. Суверенитет русских от своей, своими руками созданной России? Такого, наверное, в истории человечества еще не было. А сегодня патриоты-суверенщики расширяют изоляцию России от остальных. В начале 1990-х патриоты-суверенщики настаивали на изоляции России от славян, украинцев и белорусов, а теперь (вместо суверенщиков появились идеологи особой русской цивилизации) наши патриоты настаивают уже на полной изоляции России от всего мира, и прежде всего от Запада. Вот такая история.

¹ См.: Ципко А. Русские уходят из России // Известия, 26.05.1990.

Но тогда, в 1991 году, я был очень удивлен, что и Анатолий Собчак, и Гавриил Попов, которые, как умные люди, отдавали себе отчет о негативных последствиях суверенитета РСФСР, были все же противниками распада СССР, но тем не менее призывали россиян накануне 12 июня, дня выбора президента РСФСР, голосовать за Ельцина как сторонника полной и окончательной суверенизации РСФСР. Сегодня все наши силовики – безумные патриоты. Но ведь никто из тех, кто сегодня при власти, не выступил против Беловежских соглашений. Молчали в эти дни даже адмиралы Черноморского флота, который терял свою родную гавань. Многие нынешние военачальники стали генералами именно благодаря национальному предательству сторонников суверенизации РСФСР, благодаря тому, что они были вместе с Ельциным.

Сегодня меня обвиняют в предательстве те известные стране еще со времен перестройки люди, которые всячески желали вместе с Ельциным, в чем я их тогда обвинял, «обменять Крым на Кремль», чтобы освободится от советской элиты и занять ее кабинеты. Тогда, в 1990 и в 1991 годах меня обвиняли в том, что я «в силу своей украинской фамилии не хочу счастья русскому народу», что я не хочу согласиться с сыном Елены Боннэр Игорем Шабаром, который тогда с утра до вечера на новом, демократическом Первом телеканале убеждал русский народ, что на самом деле Горбачевский «центр – это дырка от бублика». Тогда я был «враг

русского народа», потому что боролся за целостность СССР, по крайней мере за целостность его славянского центра, боролся с безумными идеями «кружка Сахарова», с безумием идеи суверенитета РСФСР.

Теперь я снова стал «врагом русского народа» или, еще хуже, «предателем», потому что пытаюсь показать тем людям, которые заняли кремлевские кабинеты благодаря агитаторским способностям Игоря Шабата, что на самом деле реванш, исправление преступных ошибок 1990–1991 годов, исправление при помощи армии «ошибки Хрущева» вместо укрепления «русского мира» может его окончательно разрушить. Отношения между русскими и украинцами, по крайней мере сейчас, все больше и больше напоминают отношения сербов и хорватов. Лукашенко и Назарбаев уже недвусмысленно дают понять Путину, что они тоже готовы с оружием в руках защищать свою «суверенность» от России.

Так что не надо криков по поводу тех, кто, как я, видит крайне негативные последствия политики «исправления ошибок Хрущева» для будущего страны. Назад, конечно, дороги нет. Но надо хотя бы осознать, что нас на самом деле ждет и как хоть в какой-то мере нейтрализовать негативные последствия бунта «русского медведя».

Все дело в том, о чем я уже сказал выше, что мой патриотизм существенно отличается от нынешнего посткрымского патриотизма. Для меня патриотизм – это прежде всего способность распознавать угрозы жизни, будущему моей стра-

ны, для меня патриотизм – это жить по совести, ощущать сердцем боли своей страны. Именно потому, что я люблю Россию, мне больно видеть, как мы сами, собственными руками с весны 2014 года засыпаем источники ее полноводной жизни камнями. Конечно, Россия в той или иной форме, в тех или иных границах всегда будет существовать. Но появится ли когда-нибудь Россия, которая заботится, дает полноценное человеческое счастье своим гражданам? Вот вопрос, который сейчас мучает меня.

Для меня как бывшего советского интеллигента патриотизм означает способность называть вещи своими именами, «жить не по лжи», как призывал нас Александр Иванович Солженицын. По этой причине украинцы при всем своем анархизме уже имеют опыт демократической смены власти, а русские, великороссы уже четверть века движутся от одного государственного переворота к другому. Мы воспроизвели снова царскую единоличную власть, сталинскую модель власти, а они, украинцы, худо-бедно, не без помощи майданов, уже несколько раз провели настоящие альтернативные выборы главы государства. И самое главное, мы никак не можем согласиться с правдой, что все же и царская Россия и особенно СССР никогда не были результатом добровольного объединения народов, что фактор силы играл все же решающую роль в создании исторической России, при всех особенностях Российской империи, где государственно образующий народ не имел никаких особых привилегий, обычно

жил хуже всех. В своих статьях, посвященных украинской проблеме, собранных в этой книге, я пытался уже добрых двадцать лет обратить внимание общественности на то, что идея «нэзалэжности» всегда означала независимость именно от России, и что она родилась не в Западной Украине, а в самой что ни на есть Центральной, крестьянской Украине. Мне повезло. Я прочитал еще в начале 1990-х полемику между Н.С. Трубецким и Д.И. Дорошенко по поводу различий между великорусской и малорусской нациями. Я знал, что ценность свободы для наследников Запорожской сечи всегда были выше, чем для наследников империи Чингисхана. Знал в том числе и благодаря книге Сергея Щеголева «Украинское движение как современный этап южнорусского сепаратизма», цензора Российской империи, который видел в «малороссийском сепаратизме» основную опасность для будущей Российской империи, обращал внимание, что самыми активными носителями идеи «нэзалэжности» от России всегда были студенты Киевского университета. Они в 1911 году требовали украинизации не только своего, но и Одесского, Херсонского университетов, они сотнями погибали, встречая с оружием в руках Красную армию, которая входила в Киев в 1918 году, и они, студенты Киевского университета, что уже было неизбежно, восприняли как оскорбление их национального достоинства отказ Януковича подписать соглашение об ассоциации из родины с Европой. Я включил в книгу свой конспект книги Сергея Щеголева.

Но вряд ли когда-нибудь нынешние разработчики внешней политики заставят себя что-то знать о реальной истории российско-украинских отношений. Сергей Щеголев как русский патриот был непримиримым противником украинского сепаратизма. Но он, в отличие от нынешних «патриотов», не боялся правды о реальной истории русско-украинских отношений. В современной России стало преступным, по крайней мере нежелательным то знание, которое не согласуется с иллюзиями и мифами нашего нового русского царя.

По сути, подавляющая часть моих последних статей, представленных в этом сборнике, посвященных критике советских мифов, которыми мы продолжаем жить и из-за которых, на мой взгляд, мы делаем стратегические ошибки во внешней политике, из-за которых не в состоянии довести до конца антикоммунистическую очистительную духовную революцию, которую мы сами начали во время перестройки. Мы до сих пор не хотим знать, что я надеюсь доказать в этой своей книге, что ничего «святого» и гуманистического в идеалах марксизма не было, что великороссы и малороссы (украинцы) не «разделенная нация», как настаивает Владимир Путин, а всего лишь родственные народы, с различной многовековой историей, с различной национальной идентификацией и даже с различным культурным кодом.

Видит бог, только человек, лишенный разума и совести, не может не видеть очевидное, что праздник «русской весны» обернулся окончательной гибелью «русского мира», ко-

торый начался в 1991 году, что после присоединения Крыма к России и побед «бывших шахтеров и трактористов» в Донбассе основой «украинскости» стали окончательно и скорее всего бесповоротно антироссийские настроения. Только человек, лишенный разума, не может не видеть, что Белоруссия Лукашенко тихой сапой движется в том же украинском, антирусском направлении, что после того, как мы начали исправлять «исторические ошибки Хрущева», уже практически нет шансов проводить интеграцию русского постсоветского пространства на добровольной основе. Неужели не видно, что создавая своими собственными руками коалицию государств, враждебных России, ставших послушными вассалами США, мы подрываем основы нашей военной, национальной безопасности. Неужели не видно, что произошедшее после присоединения Крыма к России сближение Польши и Украины, сближение на антирусской основе, создание почти что стомиллионного польско-украинского блока у своих границ крайне опасно для нас с военно-стратегической точки зрения.

Неужели разработчикам нашей внешней политики не было ясно, что принуждение Путиным Януковича к неподписанию в Вильнюсе договора об ассоциации экономики Украины с ЕС будет восприниматься и украинской интеллигенцией, и, самое главное, новой, молодой Украиной как оскорбление национального достоинства и неизбежно приведет ко второму Майдану со всеми вытекающими последствиями.

Только политики, потерявшие чувство реальности, могли думать, что четверть века после распада СССР украинцы и русские все еще «лишь разделенная случайно нация», как продолжает говорить наш президент. Неужели руководителям нашей пропаганды не было ясно, что выпуская осенью 2013 года Александра Проханова на экран с его откровенно провокационными заявлениями по поводу Украины и ее территориальной целостности, мы провоцируем уже у всех украинцев, вообще жителей Украины, включая миллионы русских, не столько страх, сколько чувство оскорбленного национального достоинства.

Патриотизм с закрытыми глазами, т. е. наш нынешний патриотизм, имеет много сходства с тем «казенным патриотизмом», который разоблачал Лев Николаевич Толстой. Как он, Толстой, говорил, этот патриотизм выгоден власти, ибо избавляет ее от необходимости объясняться с народом по поводу своих просчетов и ошибок, позволяет ей превратить свой народ в средство достижения своих откровенных авантур. И что не менее важно, говорил тот же Лев Толстой, победный «казенный патриотизм» открывает дорогу во власть откровенным циникам и негодяям, которые, как мы видим сегодня, готовы с пеной на губах отстаивать и защищать самые безумные идеи, к примеру, идею реставрации в России мобилизационной, военной экономики.

Видит бог. И в СССР во внешней политике делали ошибки. Чего стоит авантюра с Афганистаном, которая во многом

тоже способствовала распаду страны. Но поразительно, что в советское время на партсобрании в моем ИЭМСС АН СССР наши ветераны войны Владимир Шеститко, Вячеслав Дашичев находили в себе мужество вслух говорить о неизбежных, крайне негативных последствиях ввода войск в Афганистан. А сейчас, когда на самом деле интеллигентные люди мало чем рискуют, когда за критику «линии Путина» все-таки не сажают, не выгоняют с работы с «волчьим билетом», только несколько человек решилось поставить под сомнение целесообразность запоздалого «исправления ошибок Хрущева».

Как сотрудник бывшего ИЭМСС АН СССР, писавший записки в ЦК КПСС, а потом, на протяжении почти четырех лет – сотрудник группы консультантов ЦК КПСС, исполнявший с сентября 1988 года обязанности помощника Александра Яковлева, могу сказать, что в погибшем СССР мысль, здравый смысл, мозги ценились куда больше, чем сейчас. На «любви» к Генеральному секретарю в СССР нельзя было сделать карьеру. Охранник Брежнева до конца жизни так и оставался охранником. А сейчас на вершину общественной жизни выходят прежде всего те, кто призывает русский народ отказаться от сытости нулевых, от чая с медом, и во имя «побед Путина» снова с честью пройти через те испытания, через которые прошли жители блокадного Ленинграда. Для того, чтобы сделать сегодня карьеру, надо не только умело играть роль дурака, который ничего не видит, ничего не знает, но и быть откровенным циником.

И откуда у меня может появиться оптимизм и вера в счастливое будущее России? Ни один из представителей экономического блока в правительстве, состоящего целиком из выходцев из команды Гайдара, не рискнет сказать, что пора нашу внешнюю политику привязать к реалиям углубляющегося экономического кризиса. Об этом говорит только Алексей Кудрин. Но, наверное, потому, что является лишь нештатным «советником» Путина. Самое поразительное, что и у меня появилась ностальгия по СССР. Ностальгия о той жажде к правде, в том числе и правде о страшной человеческой цене сталинских побед, которая была характерна для нас, советской интеллигенции. Глубоко убежден в способности к состраданию жертвам сталинских репрессий, в глубинном интересе к творчеству запрещенных в СССР русских философов, в неиссякаемом интересе к запрещенной правде о гражданской войне, вообще по накалу мысли советская Россия и 1960-х, и 1970-х, и первой половины 1980-х стояла выше, чем нынешняя, якобы свободная Россия, где обещают тюрьму за слова об очевидном, о родстве политической системы Гитлера с политической системой Сталина. Именно инициатива ЛДПР наказывать тюрьмой за разговоры о родстве большевизма и национал-социализма заставила меня сесть за тексты Муссолини и Гитлера и показать в своих статьях, представленных в этом сборнике, что революционизм Карла Маркса породил не только революционизм Ленина и Сталина, но и революционизм Гитлера.

Поразительно, но в России до сих пор инстинктивно сторонятся этой очевидной правды о родстве национал-социализма с большевизмом. Вчера на ночь читал статьи из «Русской идеи» Николая Бердяева и снова наткнулся на то, что он повторяет как мантру: «Возникновение на Западе фашизма... стало возможно только благодаря русскому коммунизму, которого не было без Ленина»². А у нас даже сегодня власть в лице господина Нарышкина, руководителя нашего Исторического общества, настаивает на том, что ленинский Октябрь был все-таки «великим». Чем великим, господа? Тем, что убил Россию, породил социал-национализм Гитлера?

В СССР, я уже повторяюсь, все-таки если ты даже с утра до вечера говоришь о гениальности Леонида Ильича, так просто нельзя было сделать карьеру. Мы, критики советской системы, писали, что «партийный подход» ведет в кадровой политике к антиотбору. Но, как выясняется, в новой посткрымской России антиотбор, связанный с проверкой на лояльность Путину куда мощнее, чем наш старый советский антиотбор в силу приоритета партийного билета.

В начале нулевых я даже защищал путинских силовиков от нападок его тогдашнего советника Глеба Павловского, обвиняющих их, силовиков, в недооценке демократических ценностей. Защищал, ибо в тех условиях, на мой взгляд, только они могли преодолеть хаос, рожденный «лихими де-

² Бердяев Н. А. Русская революция и мир коммунистический // Русская идея. – Харьков, «Фолио» – Москва, АСТ, 2002. – С. 478–479.

вяностями». Но ведь очевидно, и это показал опыт последнего десятилетия, что генералы, способные навести порядок, речь шла о создании единого правового поля в стране, не годятся для прорывов в экономике. Чужаки, что чужаки в генеральских погонах, что чужаки-либералы типа Белых, остаются временщиками, как выясняется не в состоянии как правило совершить то чудо, которое оказалось по силам детям своей земли, привязанным к своей малой родине, тому же Артамонову в Калуге, Савченко в Белгороде, Ткачеву в Краснодаре.

Так почему снова, как это показал «чистый четверг» Путина от 28 июля 2016 года, на губернаторские должности назначаются прежде всего работники ФСО и ФСБ? Неужели задача сохранения стабильности, а на самом деле власти Путина, выше задач экономического развития?

Но для меня лично – это еще один аргумент, питающий мой пессимизм, еще одно свидетельство того, что идея развития, процесса совершенствования нашей все еще «отсталой» русской жизни уходит в посткрымской России на задний план. К сожалению, оправдываются прогнозы наших либералов, что за созданную Путиным «вертикаль власти» мы платим полной и окончательной утратой политики как конкуренции людей и идей, как того, на чем основана современная европейская цивилизация. Даже весьма лояльный к власти, просто думающий обозреватель «МК» Михаил Ростовский, чьи комментарии я всегда читаю с удовольствием,

пишет, что от чего ушли, к тому пришли. Снова в России всем, абсолютно всем заведует один и только один человек, а именно «Путин и только Путин. Только ему в нашей стране принадлежит право: кого карать, а кого миловать, кого повышать, а кого понижать, кого двигать по горизонтали, а кого отправлять на выход. А все остальные политические игроки – это всего лишь карты в умелых президентских руках»³.

Но ведь на самом деле в условиях глобального, взаимосвязанного мира, в условиях современной цивилизации подобная система управления страной, когда никто и ничто не в состоянии сдержать, оспорить решение «умелых рук» Путина, опасна. А что будет со всеми нами, если его «умелые руки» устанут или начнут делать то, что противоречит здравому смыслу, интересам страны? Вообще, на что я обращал внимание в своих статьях в «НГ», это страшно, несправедливо, античеловечно, что жизнь, будущее миллионов людей стали целиком зависеть от склада ума, души всего одного, к тому же, как он сам недавно говорил, случайно оказавшегося у власти человека. Буду справедлив. Презумпция невиновности применима к Путину как к любому человеку. Я верю, что он патриот и любит Россию. Но всегда ли у него хватает воли, души, чтобы отделить свои собственные, несомненно честолюбивые интересы от долговременных, стратегических интересов России?

При подобной политической системе даже задачи сохра-

³ Михаил Ростовский. Чистый четверг... // МК, 29 июля 2016 г.

нения политической стабильности, что несомненно важно до сих пор, нельзя будет долго решать. Ума много не надо, чтобы понимать, что в обществе, в стране, где чаще всего успех, карьерный успех и собственное благосостояние связаны прежде всего с близостью к преемнику Ельцина или родство с его ближайшим окружением, или с бывшей работой в ФСО, ФСБ, а не с личными профессиональными достижениями, с особыми, выдающимися качествами и навыками, на самом деле невозможен экономический рост. При подобной кадровой политике наша и без того низкая во всех отношениях конкурентоспособность будет только понижаться. При такой кадровой политике будут умирать зачатки гражданского общества.

И здесь глубинное противоречие нынешней посткрымской ситуации, противоречие, которое я ощущаю как многие, уходящие, как я в последнее время, во внутреннюю эмиграцию в России. Легче тем, кто предпочел внешнюю эмиграцию внутренней, кто, как выясняется, не сильно привязан к России. В СССР имел возможность предпочесть внешнюю эмиграцию внутренней только обладатель дефекта по «пятому пункту» анкеты. Да и потом, как выяснилось после 1991 года, внешняя эмиграция не избавила их от переживаний и мыслей, характерных для внутренней эмиграции. Еще в начале нулевых социолог Володя Шляпентох, который покинул СССР в 1970-е, приезжал в Москву, на квартире родственников своей жены на Зоологической улице устраивал

встречу своих бывших коллег, друзей, где обсуждались до глубокой ночи судьбы уже новой, путинской России.

Душа шестидесятников навсегда, до смерти была связана с их Родиной, с СССР, с Россией. И я не знаю исключений из этого правила. Но как выяснилось сейчас, внутренняя эмиграция в СССР обладала большим оптимизмом, чем внутренняя эмиграция в нынешней России, свободной все-таки во многих отношениях. После возвращения из Польши в 1981 году меня, как свидетеля и в каком-то смысле участника событий, связанных с «Солидарностью», приглашали на «чаепития» на кухне в разные собрания думающей интеллигенции Москвы. Но, как я помню, больше всего меня мучили вопросами наши именитые социологи – Левада, Грушин, Шубкин, – собравшиеся для встречи на квартире Лени Гордона весной 1981 года. И сколько было надежды в их умных глазах, активного интереса к будущему, надежды, что советской системе приходит конец. А сейчас на что надеяться? Революции, самые демократические, как выясняется, не прибавляют нам ни разума, ни уважения к свободе, ни сознания самоценности человеческой жизни.

Глубинное противоречие, которое сидит в моей душе и которое на самом деле мучает меня, о чем свидетельствует моя публицистика последних лет, представленная в этой книге, состоит в том, что в СССР на самом деле было куда больше оснований для глубинного пессимизма, чем сейчас, но, тем не менее, одновременно и веры в будущее России,

в то, что она станет более разумной, заботливой к русскому народу, избавит нас наконец от вечной нищеты, вечной неустроенности быта, традиционной русской дури, было куда больше, чем сейчас. Лично меня как мальчика, проводившего все свое детство и юность на огороде маминого отца, деда Еремея Ципко, на огороде, которым моя семья добывала средства на пропитание, как это не покажется странным, угнетал не столько дефицит свободы, сколько безумие нашей колхозной системы. 30 %, иногда и больше урожая погибало на всем протяжении советской власти, для которой самой большой бедой был урожайный год: не хватало рук, чтобы убрать урожай, складских помещений, чтобы его хранить и т. д. В техникуме, во второй половине 1950-х, когда нас, пацанов, вывозили в колхозы Одесской области собирать початки кукурузы, я начал осознавать изначальную противоречивость советского колхозного строя. Мы уезжали из деревни на учебу в Одессу уже в середине октября, начинаются дожди, но значительная часть урожая остается в поле и мокнет так до первых морозов, пока не погибнет. Сами селяне для себя, для своих хозяйств убрали бы урожай за несколько дней, работали бы даже по ночам. Но, как известно, даже при Хрущеве председателя колхоза, который разрешил бы селянам разносить по домам погибающее колхозное добро, посадили бы как минимум на пять лет. Кстати, я с 8 лет на коленях пропалывал дедушкины помидоры от сорняков, и поэтому убирал за смену в колхозе в три раза

больше кукурузы, чем мои совсем городские однокурсники. Но делал это не для того, чтобы стать «передовиком производства», а потому что всегда душа болела при виде погибающего урожая, погибающего труда человека. Мне до сих пор больно, когда я вижу погибающий урожай. Наверное моя крестьянская наследственность сильнее военной и чиновничьей. За что, конечно, мои однокурсники меня, «очень сознательного», недолюбливали, к тому же всегда, где бы я ни учился, я был или старостой или секретарем партийной организации. Особенно досталось моим однокурсникам, когда нас, студентов первого курса философского факультета, вывезли убирать погибающую картошку в село Курапово Нарофоминского района Московской области.

Таких кричащих абсурдов, как колхозная система, в советской системе было заложено множество. И я, как человек, сформировавшийся не просто в городе, а в Одессе, где главной идеологией всегда был здравый смысл, где бабушки нам говорили, что самое позорное в жизни – быть дураком или «идиотом», всегда видел, с юности остро реагировал на абсурды и советской системы и советской истории. Инженер в конструкторском бюро одесского завода «Красная гвардия», куда меня распределили после техникума, получал всего 120 рублей, а в моем литейном цеху формовщик зарабатывали по 200, а иногда и по 300 рублей. Уже позже, будучи студентом философского факультета МГУ, я осознал, что этот абсурд идет от наследства классового подхода гражданской

войны, когда во время военного коммунизма преподаватели и профессора Московского или Петербургского университетов, как «социально неполноценные люди», получали пайку хлеба в два раза меньше, чем рабочий-грузчик.

Бесконечные разговоры о преимуществах социализма над капитализмом, но при этом извечный, мучающий людей дефицит, «колбасные электрички» в Москву. На самом деле в СССР люди существовали только для того, чтобы произвести вооружение необходимое для сохранения «завоеваний Октября». Я уже не говорю о политических маразмах советской системы, об аморализме марксизма, обо всем том, что открылось мне после погружения (опять всей душой) в русскую религиозную философию начала XX века, в «Вехи», в доступные для нас, студентов философского факультета МГУ дореволюционные труды Николая Бердяева, Петра Струве, Михаила Туган-Барановского и т. д.

Но этот пессимизм, идущий от кричащих абсурдов советской системы и советской идеологии, пессимизм, который был рожден моим наверное не по возрасту развитым здравым смыслом, легко заглушался верой в то, что стоит избавиться от оков советской системы, и все будет у нас «как у людей», как на Западе. Крестьяне, ставшие фермерами, начнут также усердно работать, как они в советское время работали на своих так называемых «приусадебных участках». Свободные от советской системы граждане начнут избирать во власть самых умных, профессиональных, успешных лю-

дей. И т. д. и т. п.

Даже если произойдет чудо и Путин снова, на этот раз серьезно отдаст власть преемнику, который начнет серьезно думать именно о развитии страны, что невозможно без преодоления нашей снова углубляющейся бедности, я не уверен, что он, этот лишенный болезненных геополитических амбиций президент, простой, умелый хозяйственник, как Артамонов или Собянин, сможет преодолеть нынешнюю русскую духовную пассивность, русскую апатию, крепнущее в последние годы неверие в то, что в России что-то можно изменить к лучшему.

Сегодня, спустя ровно четверть века после перестройки, после демократических преобразований начала 1990-х, лично у меня нет веры в то, что демократические перемены в политической системе, о которых пишут уважаемые мной авторы уважаемой «Новой газеты», в то, что «новая перестройка» приведет к оздоровлению настроений новой России. Но на самом деле, по крайней мере сейчас нет ни одного факта, ни одного свидетельства того, что люди просыпаются от сна, начинают думать, всерьез защищать свои интересы, что есть сила, способная противостоять происходящему на наших глазах укреплению традиционного русского самодержавия. Напротив, я все больше и больше нахожу свидетельств тому, что наши евразийцы правы, что политическая культура нынешних русских мало чем отличается от политической культуры наших подлинных братьев от политических нравов

современного Казахстана, Азербайджана и т. д. Даже у киргизов больше политической активности, больше запроса на демократическую смену власти, чем у нынешних русских, боготворящих нового русского самодержца. Навальные и им подобные для меня не в счет. Они хотят перемен только для себя, для своего собственного либерального единовластия и сверхвластия. Кровь октября 1993 года на совести людей, называющих себя либералами.

Пессимизма в отношении будущего, не просто будущего, а успешного, полноценного будущего, у меня сегодня даже больше, чем в самые маразматические советские времена. Но мой пессимизм идет не от того, что я перестал любить Россию, но от того, как я все больше и больше убеждаюсь, что наш русский абсурд нескончаем, что мы так и не хотим знать правду и о нашей советской истории, и о том, чем на самом деле был СССР, не хотим руководствоваться простым здравым смыслом, учиться на трагедиях и катастрофах прошлого. Конечно, авторитет власти в России очень важен для сохранения политической стабильности. Но нашей власти пора понять, что без стабильной, успешной экономики, при нашей традиционной, так и не преодоленной русской бедности никакие успешные пиар-кампании, никакие мнимые или реальные победы во внешней политике не в состоянии гарантировать сохранение стабильности и целостности страны. На мой взгляд, Россия без Крыма, которой доверяли, которая была равноправным членом «восьмерки», кото-

рая получала извне инвестиции, необходимые для модернизации в том числе и оборонного сектора, имела куда больше шансов на сохранение, на достойную жизнь, чем нынешняя посткрымская Россия, которая стала пугать Запад своей «непредсказуемостью», своим садомазохизмом.

История необратима. Назад, к возможностям докрымской России, дороги уже нет. Что произошло, то произошло. Но я никак не могу понять, почему у нас люди при власти не слышат голос истории, забыли, что в условиях нищеты, загнивающей экономики Россия с Крымом имеет куда больше шансов погибнуть, чем развивающаяся, как в нулевые, Россия без Крыма. Казалось бы, нынешним руководителям не чужда дореволюционная Россия, и они знают, как легко бунт голодных, с пустыми кастрюлями, может разрушить куда более великую Россию, чем нынешняя, знают, как легко меняются в России настроения. Казалось бы, знания элементарной арифметики, арифметики третьего класса достаточно, чтобы понять, что страна, обладающая всего лишь 2 % мирового ВВП, которая уже сейчас бедна наукоемкими производствами, которой уже сейчас перекрыт доступ к технологиям двойного назначения, не выдержит долго противостояния с Западом, который уже сейчас превосходит нас в экономическом отношении в 20 раз. Власть не учитывает, что, несмотря на временный, но сейчас уже иссякающий энтузиазм, вызванный присоединением Крыма, русский человек уже экзистенциально устал от своей вечной бедности, вечной

неустроенности, борьбы за существование.

Наверное много ума не надо, чтобы понимать, что на самом деле и судьба России и судьба русского мира зависит от того, сумеем или не сумеем мы избавить русского человека от этой постоянной боли, от этого вечного стресса. Только идиот, позволю себе сказать, или откровенный циник может рассчитывать на то, что русский человек еще раз может «затянуть пояса» и жить на «минимуме материальных благ» во имя реализации честолюбивых планов своих лидеров, которые хотят оставить «красивый след» в истории.

Трудно быть оптимистом, если у тебя не высохли мозги и есть совесть, когда на самом деле даже проповедники «урпатриотизма» не верят в будущее своей страны и стремятся побольше урвать себе сейчас, попробовать для себя все радости жизни, которые никогда бы им не достались в стране, которая живет по уму. Трагедия наша и беда, которую я осознал только сейчас, состоит в том, что все наше и политическое и моральное несовершенство от того, что за века так и не сформировалась русская нация как нечто целое, органичное, взаимосвязанное, заинтересованное. После реформ Петра I появилось две нации, и так сами по себе они живут до сих пор. Для власти народ всегда был всего лишь средством достижения ее честолюбивых замыслов, средством для создания «великой империи», или «первого социалистического государства на земле», или, как сейчас, защиты оскорбленного достоинства президента, или средством для его бес-

смысленных попыток воссоединить заново распавшийся союз республик СССР. А для народа русская власть всегда была «чуждой силой», от которой ничего хорошего ждать не приходится. Откуда наши кровавые революции, откуда наше поразительное равнодушие к репрессиям Сталина, к мукам миллионов жертв Гулага, голодомора? Вспомните, с каким равнодушием толпа наблюдала, как танки Грачева расстреливают Белый дом и давят своими гусеницами москвичей, пришедших с детьми поддержать мятежный Съезд народных депутатов РСФСР. От того, что у нас никогда не было того, что всегда было, к примеру, у поляков, не было чувства национального единства, чувства сопереживания бедам своих соотечественников. Народы Прибалтики, даже Западная Украина, не могут простить Сталину уничтожения значительной части их национальной элиты, интеллигенции в 1940 году и после победы 1945 года. А подавляющей части современных русских, и не только поклонников Сталина, абсолютно «до фонаря», что большевики с 1917 по конец 1930-х годов проводили сознательную политику истребления мозгов нации, ее элиты, по сути занимались тем же, чем, к примеру, занимался Гитлер по отношению к польской интеллигенции с 1939 по 1944 год. И здесь, на мой взгляд, как я стал понимать только в посткрымской России, главная причина вех наших русских бед. Легче всего развязать гражданскую войну в стране, где нет национального единства. Невозможно сформировать гражданское общество, какие-либо пред-

посылки демократии там, где люди не ощущают национального единства. Репрессии против народа многие прощают Сталину, ибо для них его жертвы – чужие люди. И что с этим делать?

Так мы и живем по сей день. Правда и идеи, мир исторических смыслов и абстрактных ценностей, абстрактные рассуждения интеллигенции абсолютно не интересуют простых людей, которые живут внизу, а погруженную в интеллигенцию, элиту власть мало интересуют заботы простого человека, у которого вечно не хватает денег, чтобы купить самое необходимое для семьи. По данным последних социологических опросов нищим в подлинном смысле этого слова, т. е. доходы которого ниже черты бедности, является уже каждый шестой россиянин. А почти половина россиян жалуется на то, что им не хватает денег, чтобы купить «необходимую одежду». И чем больше нищих, нуждающихся, тем больше в обществе апатии, осознания того, что нищему, нуждающемуся суждено всегда оставаться нищим, и тем больше и сильнее замыкание в себе и одновременно подозрительности к другому, недоверия к нему, тем больше причин для агрессии, тем больше вспышек гнева на весь этот мир.

И вот здесь у меня, кстати, впервые возникла мысль, что русской нации в подлинном смысле этого слова так и не появилось из-за нашей вечной нищеты и неустроенности, той второй, крестьянской, а потом рабочей русской нации, которая всегда была внизу. Не забывайте, сегодня разрыв меж-

ду состоянием тех, кто наверху, и достатком тех, кто внизу, сильнее, чем был в царской, феодальной России.

Гражданское общество создавали равные в правах и практически равные в достатке бюргеры торговых городов. А какое гражданское общество и собственно гражданскую европейскую нацию могут создать бывшие рабы, которых бары столетиями продавали наравне со скотом, которые денно и нощно, чтобы не умереть с голоду, добывали хлеб насущный. И этого, на мой взгляд, не понимали наши либералы 1990-х, которые, с одной стороны, лишили людей советского минимализма во имя «успеха рыночных реформ», а, с другой стороны, его, полуголодного, призывали строить «демократию», «гражданское общество». И мне думается, из-за так и не искорененной традиции русской нищеты мы и вернулись к хорошо известным традициям русского самодержавия.

Я не оправдываюсь перед читателями, я просто хочу объяснить, почему в этой моей книге все-таки очень много пессимизма.

Книга I

Независимая Украина не может не быть антирусской

Сталин, голодомор и дружба народов

Споры о причинах и истории голодомора еще раз высветили существенные различия между национальным сознанием бывших великороссов и малороссов. И эта разница проявляется прежде всего в отношении к Сталину. Среди украинцев, речь идет прежде всего о православной центральной и южной Украине, на протяжении по крайней мере двух поколений сохранялась память и о муках сталинской коллективизации, и о кошмарах голодомора. В России тоже значительная часть крестьянского населения, особенно воцерковленная, воспринимала в массе Сталина как «душегуба». Но все же русские крестьяне, особенно после победы 9 мая, многое Сталину простили. Кстати, отношение к Сталину моего наставника и шефа по ИЭМСС АН СССР, участника Великой Отечественной войны, профессора Анатолия Бутенко, который пережил голод 1932 года на Полтавщине, ничем не отличалось от отношения к Сталину нынешнего Президента Украины. Конечно, во всех пропагандистских кам-

паниях Ющенко вокруг жертв голодомора на Украине много политики и пиара на костях. Но надо понимать, что кампания по осуждению голодомора 1932–1933 годов возникла не на пустом месте, она опирается на национальную память украинцев. Надо понимать, что, во-первых, сам Ющенко как уроженец сумской деревни несет в себе эту ненависть к Сталину как отцу голодомора, а во-вторых, что вся эта кампания опирается на болевые точки украинского, по природе своей крестьянского национального самосознания. И сам тот факт, что политический класс России начинает постепенно осознавать, что украинцы – это не просто «младшие братья», а особая славянская нация с особенностями своего восприятия жизни и русской истории, придает надежды. Надо видеть, что все кричащие провалы политической элиты бывшей РСФСР и новой России на украинском направлении как раз и проистекали от советского мифологического и одновременно невежественного отношения к украинской проблеме. Ельцин думал, что он выталкивает Украину из нашей общей страны на время, что после того, как он освободит Кремль от Горбачева, независимая Украина «приползет к нему на коленях» (эту стратегию Ельцина в отношении Украины излагала нам, членам общественного совета «МН», Галина Старовойтова в ноябре 1991 года). И, соответственно, администрация Путина в критической ситуации выборов президента Украины в конце 2004 года исходила из ложного посыла, что основная угроза интересам России находит-

ся в Галиции, на западных землях Украины. И в 1991 году, и в 2004 году политический класс России не видел, не хотел знать, что мечта о «самостийности», о независимости от России, о создании своего собственного национального государства коренится и в сознании православной Украины, которую триста пятьдесят лет назад Богдан Хмельницкий привел в состав Московского царства. Надо признать, что российский котел даже за триста лет не смог сделать то, что сумел сделать германский котел за пятьдесят лет. Бывшие малороссы и великороссы так и не стали единой нацией. А бывшие пруссы, саксонцы, баварцы очень быстро стали единой германской нацией. И тут есть над чем подумать.

Так что на самом деле нынешние русские и нынешние украинцы и братья, и не братья. Правда состоит в том, что украиноговорящие украинцы (и не только в Галиции) действительно выбрали так называемый «западный вектор» и умом и душой, выходят из когда-то общего русского мира, особенно новое, молодое поколение. А своей российской неадекватностью, своими разговорами о том, что проблемы голода 1932–1933 годов нуждаются в дополнительных исследованиях и дискуссиях, мы просто ускоряем этот процесс расставания украинцев с Россией.

И, несмотря на то, что на самом деле этнические украинцы правили в СССР более четверти века, вплоть до 1991 года, начиная от Брежнева и кончая Горбачевым, все равно где-то в глубине украинского национального сознания, как и

во времена Екатерины II, московская власть воспринималась как чужая власть. Так что российским политикам, если они действительно хотят все же сохранить влияние на созданную ими по собственной инициативе независимую Украину, придется больше изучать историю народа, который сегодня называется «украинцами», и больше считаться с достоинством тех, кого мы по инерции продолжаем называть частью разделенного развалом СССР «единого народа». *Сила России все же заключена не в газе, а в мудрости и государственном опыте ее правящего класса.*

Что касается самой полемики между руководством Украины и России по поводу голода 1932–1933 годов в СССР, то, на мой взгляд, грешили искажением фактов обе стороны. Конечно, не соответствует фактам утверждение Ющенко, что за последние пятьдесят лет советской власти население Украины сократилось вдвое. Рассуждения Ющенко о каких-либо «качественных отличиях» голода на Украине от голода в России и других регионах СССР, конечно же, иначе как спекуляциями не назовешь. Заградительные отряды вокруг сельских районов, где вымирали от голода крестьяне, создавались не только на Украине, но и в Поволжье, в Ставропольском крае. Примечательно, что даже в моей родной тогда еще послевоенной русской Одессе была жива память об этих заградительных отрядах, которые стояли на окраине города, на Дальних мельницах, и где в упор красноармейцы расстреливали рвущихся в Одессу голодных крестьян.

Но Дмитрий Медведев явно переживает в полемике с Ющенко, когда настаивает, что якобы «любой гражданин Украины, утверждающий, что помимо украинцев в этот период от голода погибли русские, казахи, белорусы, является, по вашему мнению, уголовным преступником». Сам Ющенко в своих выступлениях, посвященных осуждению преступлений сталинизма, вспоминает о голоде в Казахстане в 1931 году, который истребил два миллиона казахов, и об «искусственном голоде на Северном Кавказе в 1932–1933 годы».

Есть все-таки во всех наших российских инвективах, направленных против голодоморской кампании на Украине, какое-то равнодушие ко всем этим, сейчас далеким от них бедам украинских крестьян. Никогда, кстати, само украинское руководство не трактовало голодомор 1932–1933 годов на Украине как политику русской нации, направленную на уничтожение украинцев. Ющенко все время говорит о том, что не могут быть преданы забвению все жертвы сталинизма, уничтоженные Гулагом, в том числе «и сотни тысяч россиян, представителей братских народов».

И самое важное, во имя чего я пишу эти заметки. Не имел бы Ющенко возможности призывать мировое сообщество осудить советский тоталитаризм, коммунистический режим, если бы руководство новой, якобы некоммунистической России на официальном уровне, к примеру, через постановление Думы, осудило все преступления большевистского режима, и ленинского, и сталинского. Тем самым, то

есть путем осуждения так называемого «коммунистического тоталитаризма» на государственном уровне, мы бы показали миру, что нынешняя свободная Россия, кстати, сама освободившаяся от советской системы, ни по происхождению, ни по идеологии не имеет ничего общего с большевизмом. Кстати, надо понимать, что наши красные патриоты, настаивающие на русском национальном происхождении большевизма, наносят урон нашим национальным интересам. Во-первых, это неправда, а во-вторых, зачем нам брать ответственность за строй, созданный при активном участии европейских марксистов и при значительной поддержке старой Европы, и прежде всего Германии? Так что, на самом деле, если бы мы были умны, то мы, новая Россия, должны были бы быть впереди планеты всей по разоблачению красного и сталинского террора и не возмущаться тем, что украинцы говорят о том, о чем мы молчим.

В осуждении преступлений Сталина мы пока что не продвинулись ни на шаг по сравнению со знаменитым постановлением ЦК КПСС 1956 года по осуждению «культ личности Сталина». Ведь надо признать, что до начала этой голодоморской кампании на Украине у нас практически никто не сделал достоянием общественности, не изучал последствия подобного же голодомора в Ставропольском крае, на Кубани. Хотя Путин как президент в своем июньском, 2007 года выступлении, посвященном памяти жертв «Бутовского полигона», говорил о том же, о чем говорит Ющенко, о том, что

большевистский режим и во времена красного, и во времена сталинского террора занимался уничтожением наиболее талантливых, одаренных представителей российской нации.

Кстати, и здесь в оценках и Путина и Ющенко преступлений сталинского режима снова проявляются различия между национальным самосознанием великоросса, президента России, и национальным самосознанием президента Украины Ющенко как украинца. Для Путина как русского основной ценностью является государство, а потому он сожалеет прежде всего об убиенных большевистским режимом образованных и талантливых людях, которые могли бы послужить Отечеству, прославить его. Тут мы имеем дело с тем, что можно назвать героическим национальным сознанием. Для Ющенко как украинца основную ценность составляет крестьянство как основа национального бытия, как возможность создания своего украинского национального государства. Отсюда и мифологемы Ющенко типа того, что Сталин уничтожал голодомором украинцев для того, чтобы они не имели возможности создать свое государство. Но беда как раз и состояла в том, что Сталин и мысли не допускал, что когда-то распадется СССР и вылезут наружу, станут явными все его преступления, тем более он не предполагал, что социалистическая Украина когда-то будет независимой. *Все дело в том, что ни у Ленина, ни у Сталина как у большевиков на самом деле не было чувства истории.*

В том-то и дело, что у украинцев как крестьянской на-

ции, как нации холопов у польских панов, а затем как у нации крепостных рабов в царской России, сложилось мученическое самосознание, самосознание нации, участью которой является тяжкая доля. Понятие доля тяжелой судьбы является как бы камертоном души украинца. Вирши Тараса Шевченко как крестьянского сына, как крепостного, как раз и отражают специфику этого украинского мировосприятия жизни как тяжелой доли. У украинцев нет того мессианизма, героики государственности, которая спасала великоросса от тяжелых мыслей о своей крепостной судьбе. Возможно, малороссы так тяжело воспринимали крепостное право потому, что оно у них появилось только в 1770 году, в эпоху царствования Екатерины, когда на самом деле оно себя изжило и в духовном, и в экономическом смысле. Рискну предположить, что именно Екатерина II превратила малоросса в украинца, в носителя особой «доли тяжелой».

То, что нами воспринимается только как идеологическая кампания, направленная на обособление Украины от России, является, тем не менее, одновременно закономерностью, обусловленной самим существованием Украины как независимого государства. Для русского человека с его государственным сознанием Екатерина II является великой державницей, которая оставила после себя сотни новых городов, создала Новороссию. Для украинца с национальным сознанием, я уже не говорю об украинских националистах, Екатерина II является порабощительницей, которая ввела в

Малороссии крепостное право. В советское время все эти национальные обиды были на периферии сознания. Теперь, уже в независимой Украине, эта негативная память всплывает, и она, естественно, эксплуатируется новой национальной элитой. У украинского руководства на самом деле нет другого пути скрепления своей нации, кроме как скрепления ее общей бедой, какой, несомненно, является рукотворный во многих отношениях голод на Украине в 1932–1933 годы. Как говорят, за что боролись, на то и напоролись. Надо, в конце концов, иметь мужество и увидеть, что на самом деле означает распад СССР, которого так активно добивалась политическая элита нынешней России, кстати, и демократы, и коммунисты. Независимая Украина несет в себе для России многие очень неприятные вещи.

Мы правы, когда напоминаем Ющенко, что изымали у украинских крестьян зерно, обрекая их на смерть, коммунисты-украинцы, что сталинизм не имел национальной окраски. Но мы не можем запретить Ющенко рассматривать преступления сталинизма через национальную призму, обращать внимание на то, как сказался голод, возникший в результате изъятия государством у крестьян зерна, на жизни и судьбе украинского народа.

В том-то и дело, в чем не отдает себе отчет политический класс новой России. Новая Россия как правопреемник СССР, как правопреемник многонациональной России, вынуждена, обречена говорить о голодоморе как о нашей об-

щей беде. Но мы должны одновременно понимать, что новые национальные государства, созданные на основе бывших советских республик, будут делать акцент не на общей беде, а на своих национальных особых трагедиях. Сам факт националистических спекуляций на негативном историческом опыте не дает оснований для отрицания права бывших советских республик на свою особую национальную трактовку преступлений сталинской эпохи.

На мой взгляд, у нас до сих пор нет продуманной политики по отношению к бывшим славянским республикам СССР потому, что мы все время пытаемся мерить поведение их новых элит на свой общий, общесоветский аршин. Мы все время хотим, чтобы они – украинцы, белорусы – смотрели на свою национальную историю нашими, общероссийскими глазами. Но это уже невозможно. Народы СССР, вспоминая о сталинском терроре, уже неизбежно будут акцентировать свое внимание прежде всего на жертвах со стороны своей титульной нации. Латыши и эстонцы обращают внимание в первую очередь на репрессии по отношению к своей национальной интеллигенции. Украинцы в силу крестьянской природы своей нации придают первостепенное значение ужасам голодомора 1932–1933 года в украинской деревне. Все это естественно. И не их вина в том, что, к сожалению, русские, в отличие от других народов бывшего СССР, в массе довольно равнодушно относятся к гибели представителей своего этноса в эпоху сталинизма. Мы никак не можем

понять, что независимая Украина – это прежде всего независимость от России, что с того момента, как она стала независимым государством, она инстинктивно стремится освободить себя от забот о нашей общей русской судьбе и о наших общих бедах. Независимая Украина прежде всего мыслит в самостийном измерении. Сегодня Украина пытается, и, наверное, не совсем удачно, сплотить свой народ, актуализируя память о национальных трагедиях прошлого. Такая трудная логика формирования созданной во многом по инициативе Ельцина независимой Украины.

С исторической точки зрения точка невозврата к России для Украины еще не пройдена. Украина еще не потеряна для новой России окончательно, «западный вектор» Украины, спровоцированный распадом СССР, может затеряться в пучине экономических потрясений, которые ожидают в условиях глобального кризиса Украину. Но на Россию, как на хранительницу общероссийского очага, ложится громадная ответственность за сохранение самой возможности воссоединения русского мира. Вот почему мы обязаны быть честны во всем, что касается нашей общей российской истории и наших общих бед.

НГ, 16.12.2008

Особенности украинской национальной идентификации и их влияние на внешнюю политику независимой Украины

Понять зигзаги современных отношений России и Украины нельзя, не поняв идентификацию двух народов. Москва исходит из того, что это некогда один, но позднее разъединенный народ. Киев скорее утверждает себя в самобытной украинской национальности. Кто прав, кто виноват – как всегда, рассудит история.

Миф о «разделенном народе»

Разочарование внешней политикой якобы «прорусского» президента В. Януковича вызвано, прежде всего, историческим невежеством нынешних российских политиков. Они никак не могут понять, что прорусского руководителя по определению не может быть в независимой, «нэзалэжной» Украине. Они до сих пор живут советскими мифами о неразрывном единстве украинцев и русских, единстве «народов-братьев», которое якобы было случайно разрушено и легко восстановимо при определенной политике российского руководства. Отсюда и надежды, что Украина рано или

поздно станет членом Таможенного союза и членом создаваемого по инициативе России «евразийского союза». Отсюда и удивление, что команда В. Януковича дословно повторяет кредо команды В. Ющенко: «Украина ни при каких условиях не будет принимать участия в создании наднациональных структур, ущемляющих ее суверенитет».

Российская политическая элита никак не может понять самого главного – она абсолютно чужая для своих контрагентов на Украине, независимо от их идейной ориентации. Не может понять то, что для украинской политической элиты сближение с Россией, а тем более новое объединение с ней, подрывает основы власти и самого существования Украины как самостоятельной, суверенной политической силы. Не может понять, что сидит в сознании и подсознании каждого украинского политика. В силу того, что выход из состава СССР, разъединение с Россией стали главным условием зарождения независимости Украины, то главной угрозой этой независимости как раз и становится движение назад, в сторону России.

Не надо удивляться тому, что эксперты В. Януковича, как и эксперты В. Ющенко, считают, что главной угрозой «независимости» Украины была и остается Россия. Но команда В. Путина наступает на те же грабли, на которые накануне распада СССР наступал Б. Ельцин, полагая, что суверенитет Украины – это не всерьез, что, «нахлебавшись суверенитета, она, Украина, приползет на коленях в Россию». Да, лег-

кий, безболезненный выход СССР из исторической России, да еще в придачу с Новороссией, с теми территориями, которые были отвоеваны у турок и заселялись как русскими, так и украинцами, было чудом, в историческом смысле случайностью.

Корыстная, невежественная элита РСФСР не имела представлений о геополитической сущности России, сложившейся на протяжении веков. Не отдавала себе отчет, о чем писали российские мыслители начала XX века, что без того славянского, демографического ресурса, который заключен, как они тогда говорили, «в малоросской нации», Россия не удержит Сибирь. Из советской образованщины выросла иллюзия (она была характерна и для патриотов-суверенщиков, желающих создать Россию, где этнические русские будут составлять абсолютное большинство, и для демократов – борцов с «советской империей»), что «братский украинский народ», получив государственную независимость, будет обязательно выстраивать «дружественные» с Россией отношения. И здесь всегда, как помнится, приводились в пример отношения дружбы и сотрудничества между США и Канадой.

Впрочем, драматизм ситуации состоит в том, что и сейчас, спустя двадцать лет после распада СССР, жила и живет эта иллюзия о случайно «разделенном народе» (В. Путин). Живет вера, что главным препятствием на пути нового объединения России и Украины стали зловерные украинские националисты типа бывшего президента Украины В. Ющен-

ко и, конечно же, «антирусская» Западная Украина. Отсюда и обманутые на сегодня надежды на якобы своего, прорусского В. Януковича и раздражение тем, что на самом деле приход к власти донбасской группировки во главе с Партией регионов не только не ускорил экономическую интеграцию России и Украины, а, напротив, стал для нее серьезным препятствием.

Поразительно, но никакие факты не могут заставить нынешнюю политическую элиту страны увидеть правду: для Украины, равно как и для республик Прибалтики и Закавказья, государственная независимость есть прежде всего независимость от России, а гарантом их независимости выступает в первую очередь Запад. Конечно, не в силу того, что там исповедуют особый пиетет и чувства дружбы к Украине и украинскому народу, а потому, что Запад в отличие от бывшей политической элиты бывшего РСФСР прекрасно понимает: Россия без Украины – все же не совсем Россия.

Мы до сих пор не хотим согласиться с тем, что альтернативный Б. Хмельницкому выбор прозападного развития – вектор и идеология И. Мазепы – всегда рассматривался в украинском национальном сознании как упущенная возможность. Стоило России, как в 1991 году, предоставить право на самоопределение Украине, она сразу же воспользовалась этим. Россия до сих пор не может понять, что превращение Украины из советской республики, тесно интегрированной в общее российское государство (в социалисти-

ческую Россию), в независимое национальное государство украинцев уже неизбежно ведет и к переоценке всей совместной русско-украинской истории.

Логика здесь простая. В рамках общего государства героями были те, кто ратным трудом укреплял русско-украинское единство. Но как только появляется национальное независимое государство, героями становятся те, кто не просто боролся за независимую Украину, а боролся прежде всего с Россией. Именно, исходя из этой логики, якобы прорусский президент Украины Л. Кучма, который без российской помощи никогда не выиграл бы в 1996 году борьбу за президентство у Л. Кравчука, пишет книгу «Почему Украина не Россия». В ней И. Мазепа представлен фигурой, равноценной в украинской истории Б. Хмельницкому, который будто бы «уравнивает его». Согласно Л. Кучме, только «духовно незрелый» человек может считать И. Мазепу «предателем».

Не следует предаваться особым иллюзиям и по поводу желания политической элиты нынешней Белоруссии как можно быстрее интегрироваться в Россию. Подобные настроения в Восточной Белоруссии были сильны в середине девяностых, когда речь шла всерьез о создании союзного государства, обеспечивающего политическое равенство белорусов и русских. Но после того как В. Путин в 2004 году предложил Белоруссии войти в РФ в качестве нескольких простых субъектов, сторонников интеграции в этой республике оказалось не более 10 %.

Что же касается лукашенковской элиты, то она дорожит суверенитетом не меньше, чем элита Украины, и соглашается на различного рода интеграционные проекты с Россией только в силу бедности и понимания того, что их лидер А. Лукашенко загнал себя и вместе с собой их в объятия России. Отношения России с Белоруссией – предмет особого разговора. Стоит напомнить, что белорусы, и даже белорусы Востока, на самом деле народ, не более братский русскому, чем украинцы, что и в их белорусском подсознании не выветрилось более чем полутысячелетнее развитие в рамках литовского, а затем польско-литовского государства, то есть в рамках европейского мира.

Инициатива РСФСР добиться суверенитета, настойчивое желание Б. Ельцина и его команды как можно быстрее вытолкнуть СССР из состава СССР, создав тем самым условия для выдворения М. Горбачева из Кремля, были не простой случайностью, а предательством по отношению к нашим российским предкам, которые на протяжении двух веков обустроивали то, что они называли югом России, Новороссией. Политическая элита СССР еще в начале 1991 года и мысли не допускала, что произойдет подобие чуда и Россия сама отдаст в ее руки Украину. При этом позабудет и о российском духе, и о происхождении Крыма, и о городе русской славы Севастополе. И о том, что Россия без южного побережья, без Новороссии, которая создавалась в рамках единого русского государства и которая потом вошла в состав СССР,

на самом деле уже не Россия в точном смысле этого слова. Н. Бердяев еще в 1917 году утверждал, что Великороссия без Украины – это уже не Россия, а «Московское царство».

Что касается внешнеполитической мотивации независимой Украины, то постичь реальность нельзя, не познав историческую правду и не отказавшись от двух мифов. Во-первых, о том, что русские и украинцы – один и тот же случайно «разделенный народ», и, во-вторых, о том, что основной преградой на пути их интеграции была и остается Западная Украина. Дело как раз в том, что главное препятствие на пути новой интеграции России и Украины – это православная, центральная Украина, Украина Т. Шевченко, которая при всей бедности не откажется от шанса создать собственную национальную государственность. Не могу не обратить внимания и на то, что миф о русских и украинцах как одной «разделенной нации» и миф об идейном и политическом противостоянии Восточной и Западной Украины тесно связаны.

Правда же в том, что на президентских выборах 2004–2005 годов православная Украина так же рьяно отдавала предпочтение националисту В. Ющенко, своей украинской кровушке, как и униатская Украина. И в Кировоградской, и в Винницкой, и в Киевской областях В. Ющенко получил от 70 до 80 % голосов избирателей. Православная Украина отдавала себе отчет, что она голосует не просто за В. Ющенко, а против кандидата России, и делала это с явным энтузиаз-

мом. «Разве не понимаете, – говорил мне директор школы, руководитель участковой избирательной комиссии на Украине во время второго тура президентских выборов в ноябре 2004 года, – что мы голосуем не за В. Ющенко, а за национальное достоинство украинцев».

Конечно, само по себе появление в Москве, в России руководителей, которые будут сознательно добиваться разрушения складывающегося столетиями русского мира, объединяющего всех восточных славян, и русских, и украинцев, и белорусов, – больше случайность, чем необходимость. Еще в 1989 году никто на Украине, даже самые ярые националисты, не предполагали, что всего через два года вековая мечта о «нэзалэжности» воплотится в жизнь, став каким-то чудом. Но как поразительно быстро свалившаяся с неба независимость Украины входила в сознание не только элиты, но и украиноязычного населения республики, как быстро, уже в начале нулевых, точка возврата в общее прошлое, в единое государство была пройдена.

Популярный среди российской политической элиты миф о русских и украинцах как о «разделенном народе» на самом деле – продукт поразительного невежества и незнания. С одной стороны, национальной истории, культуры, политических нравов Московии, которая пошла на объединение с украинским казачеством, а с другой – менталитета того восточнославянского племени, которое привел в Московское царство Б. Хмельницкий. Сегодня в России на украинском

направлении встречаются политики, которые ничего не знают ни о реальной истории российско-украинских отношений, ни об особенностях менталитета, политической ориентации украинцев, называемых братским народом. Многие до сих пор полагают, что «украинскость» как самосознание, противопоставляющее себя «русскости», – всего лишь результат антирусского проекта, осуществляемого на протяжении столетий поляками. Отсюда и предложение перековать украинское национальное самосознание, создать новую прорусскую украинскую идентичность.

Исторические факты

Чтобы преодолеть эти мифы, надо начинать с ликбеза, с восстановления правды о тех событиях и фактах украинской истории, которые игнорировались или замалчивались советской историографией. Конечно, в середине XIII века, а тем более во второй половине XII века никаких украинцев и русских не было. Характерные для последователей М. Грушевского попытки описать расправу войск А. Боголюбского в 1169 году над населением взятого им Киева как расправу великороссов над украинцами – откровенная националистическая пропаганда. В то время население и Киева, и Смоленска, и Новгород-Северска, и Суздаля говорило на одном и том же старославянском языке, исповедовало одну и ту же православную религию, жило одной и той же византийской

культурой. Это было время кровавых, непрекращающихся междоусобиц русских городов.

Так что нельзя говорить о Киевской Руси как государстве в современном смысле слова. Никакими этническими соображениями не объяснить еще более кровавое событие, чем взятие Киева А. Боголюбским. Черниговский южнорусский князь расправился с южнорусским Киевом еще жестче. Речь идет об упоминающемся в летописях разгроме Киева в 1203 году объединенными смоленско-черниговскими войсками под предводительством князя Рюрика Ростиславовича. Летопись сообщает, что союзные с Черниговом половцы убивали монахов, священников и монахинь, забирая молодых монашек в свои лагеря. Не было в то время этнических различий между русскими и украинцами: одни и те же книги читались в Киеве и в Новгороде, одни и те же князья княжили то в «России», то на «Украине».

Правда, расправа А. Меншикова над защитниками резиденции И. Мазепы, над защитниками города Батурина, в результате которой, по некоторым источникам, было перебито 60 тыс. человек, включая и мирное население, уже была расправой великороссов над украинцами. Здесь действительно русское войско воевало против украинского казачества, которое под руководством И. Мазепы изменило русскому царю.

Но в том-то и дело, что в 1708 году, спустя почти полтысячелетия после упомянутых междоусобиц Киевской Руси,

речь уже шла о двух различных восточнославянских народах, отличавшихся на тот момент языками и самосознанием, а самое главное – политической культурой. В. Вернадский, украинец по происхождению, в своей статье «Украинский вопрос и русская история» настаивает на том, что Россия в момент объединения относилась к украинскому казачеству как к «инородному политическому элементу», который лишился политического и культурного своеобразия лишь к началу XIX века. Россия как московское царство сформировалась в рамках восточной, монгольской деспотии, а украинская нация – в рамках литовско-польского, по природе своей европейского мира. В. Вернадский считал также, что поскольку у Украины были давние связи с Западной Европой, она была «проникнута духом демократизма».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.